

Глава 20. И дня без взбучки не проживешь

Су Мо ответил вызывающим взглядом, безмолвно вопрошая: «Ну, и что стряслось?»

— Я тут всё об одной вещи размышлял, — Хань Дун отшвырнул окурок и смерил Су Мо недовольным взглядом. — С чего это я вдруг «мерзкий»?

Он явно был задет за живое.

— Тебе-то хорошо: ешь всласть, спишь крепко. А я, черт возьми, даже во сне только и думаю о твоих словах! Ну, скажи, что ты имел в виду? Чем я тебе так противен?

Хань Дун сгреб со стола у входа бумагу с ручкой и с размаху хлопнул ими по чайному столику.

— Выкладывай. Живо.

Су Мо какое-то время помедлил, а затем медленно вывел:

«Может, просто забудем об этом?»

— Забудем? Да я несколько дней желчью исхожу! — Хань Дун взорвался, слова посыпались из него градом. — Это ты так решил — «забудем»? Ты вообще кто такой, чтобы я тебе подчинялся? Сначала обозвал мерзким, теперь предлагаешь замять... Обложил меня матом и даже причины не назвал. А ты хорош, Су Мо. Прямо Танский монах в новом воплощении — нашёл-таки на меня управу.

«Считай, что я был неправ. Доволен?»

— Считай? Это и так твой косяк, тут и считать нечего! — Хань Дун придвинул стул и демонстративно уселся прямо перед дверью, преграждая выход. Закинув ногу на ногу, он принял вид типичного «старшего брата»-авторитета. — Говорю сразу: пока не объяснишь, чем я тебе так не угодил, из этой комнаты не выйдешь.

Су Мо принялся быстро писать, после чего с возмущением продемонстрировал лист:

«Я и не знал, что ты, такой здоровый лоб, можешь быть настолько мелочным».

Хань Дун усмехнулся и небрежно откинул волосы со лба.

— В твоих глазах, Су Мо, у меня, похоже, вообще одни недостатки.

Су Мо уже собрался было написать колкий ответ, но его подбросило на месте от внезапного окрика:

— И не надейся спрыгнуть с темы! Хватит зубы заговаривать!

«Что именно ты хочешь услышать?»

— В. Чём. Я. Мерзкий? — процедил Хань Дун, чеканя каждое слово.

Су Мо отвел глаза и поджал губы. Ну и зануда.

— Я, конечно, не такой чистоплюй, как ты, — продолжал Хань Дун, — но трусы и носки меняю каждый день. Моюсь круглый год почти ежедневно. У меня нет вонючего дыхания или потных подмышек. Ну, волос на теле побольше, чем у некоторых, так это ж символ сексуальности! Так чем я тебя так ворочу?

Су Мо не нашел в этой тираде ничего ценного, кроме подтверждения запредельного самолюбия собеседника.

«Я просто неправильно выразился в тот день».

— Малыш, а ну-ка иди сюда, — Хань Дун поманил его пальцем.

Су Мо мгновенно помрачнел и демонстративно уселся на диван как можно дальше. Хань Дун прекрасно видел, что парня коробит от всех этих «малышей» и «крошек», но ничего не мог с собой поделать — привычка.

Он поднялся и втиснулся на диван рядом с Су Мо.

— Серьёзно, брат тебя очень просит... Дай мне хоть одну ночь поспать спокойно, а?

«Господи, Хань Дун, ну почему ты такой придурок?!» — пронеслось в голове у Су Мо.

Он резко повернул голову. Лицо Хань Дуна оказалось совсем рядом — настолько, что Су Мо ощутил на коже его тяжелое, горячее дыхание. Он попытался отодвинуться, но Хань Дун железной хваткой вцепился ему в плечо.

— Чем я мерзкий?

Су Мо сбросил его руку и быстро написал:

«Почему тебя так волнует чужое мнение?»

— В тот день у тебя был такой холодный взгляд... Я не понимаю, чем я тебе так насолил, что вызвал такую ненависть.

Су Мо замолчал. Хань Дун тоже не торопил его. Спустя долгое время Су Мо вывел на бумаге:

«Терпеть не могу, как ты меняешь девчонок. Любовь должна быть чистой и прекрасной, а ты её просто топчешь в грязи».

— И только-то?

Су Мо кивнул. Он и сам долго думал над тем, почему так сорвался на Хань Дуна. Это объяснение казалось ему единственным разумным.

У него никогда не было отношений, но в его представлении любовь была чем-то возвышенным, где тебя ценят и берегут. А то, как вел себя Хань Дун, казалось ему надругательством над чувствами. Говорят же, что первая любовь незабываема — так почему Хань Дуну на всё плевать?

— Слушай, Су Мо, а ты сам-то хоть раз влюблялся? — вдруг спросил Хань Дун.

Су Мо смущенно качнул головой. «Конечно... нет».

— Раз не влюблялся, откуда тебе знать, что это такое? И что такое, когда сердце... — Хань Дун осекся.

Он вдруг подался вперед, почти касаясь лица Су Мо, и он улыбнулся той самой улыбкой, от которой девицы падали в обморок.

—...когда сердце замирает.

Парень перед ним и впрямь был чертовски хорош собой: глубокий взгляд, от которого во все стороны летели искры, идеальные черты... Но это же мужик! Какого черта он так близко притерся?

«Совсем кукухой поехал».

Су Мо вовремя опомнился. Пока Хань Дун всю красовался, рука Су Мо незаметно опустилась к чужому предплечью. В следующую секунду обольстительная улыбка Хань Дуна сменилась страдальческой гримасой. Он зашипел, судорожно втягивая воздух, и пулей подлетел с дивана.

— Су Мо! Ты что, кайф ловишь, когда людей щиплешь?! — взревел он.

Су Мо лишь равнодушно скользнул по нему взглядом, хотя его собственные уши начали предательски пылать.

— Я просто хотел тебе просвекбез по отношениям устроить, чтобы ты, когда придет время, лохом не остался! А ты меня за это щипать?! — Хань Дун раздраженно выхватил сигарету и чиркнул зажигалкой, после чего отшвырнул её в сторону.

«Не нужны мне советы бабника!!!»

Хань Дун уставился на три жирных восклицательных знака и нервно рассмеялся.

— Ха! Бабник? Это я-то бабник? И кого же я «обабнил»? Тебя, что ли?

У Су Мо вспыхнули уже не только уши. Он схватил со стола блокнот и запустил им прямо в лицо Хань Дуну. Удар пришелся по сигарете, та отлетела, и Хань Дуну пришлось затрясти рукой, когда на кожу попал горячий пепел.

— Да чтоб тебя! — Хань Дун в ярости уставился на парня, но тот уже встал и направился к выходу. Прямая спина Су Мо так и лучилась высокомерием. Хань Дуну нестерпимо захотелось отвесить ему хорошего пинка под зад.

— Су Мо, ты у меня дождешься! Если я сегодня не заставлю тебя пощады просить, фамилию сменю на твою!

Стоило Су Мо выйти за дверь, как всё его высокомерие куда-то улетучилось. Он припустил к своей спальне, но, заметив там брата, мгновенно выпрямился и снова нацепил «безоблачную» маску.

— Ты где пропадал? Чего там Дун-цзы так развопился?

«Больной он на всю голову», — написал Су Мо. Теснота комнатухи внезапно начала давить на него. Схватив кассетный плеер и наушники, он круто развернулся и вышел из дома.

Су Цзинь подправил пробор и тоже собрался на прогулку, но в дверях столкнулся с Хань Дуном. Тот стоял, засунув одну руку в карман, а другой нервно потирая подбородок с зажатой сигаретой. Он рыскал глазами в поисках кое-кого.

— Куда этот павлин гордый делся?

— А? Павлин? — не понял Су Цзинь.

— Брат твой, Великий бессмертный Су! — рявкнул Хань Дун, отчего Су Цзинь даже вздрогнул.

— Да не ори ты! Не знаю я! — огрызнулся тот и поспешил уйти.

Хань Дун зашел в их спальню, огляделся и, недолго думая, сгреб все вещи Су Мо в одну сумку, которую тут же перетащил в свою комнату.

Проведя в городе слишком много времени, Су Мо начал находить очарование в каждом уголке деревни. Особенно сейчас, когда солнце клонилось к закату, заливая берега водохранилища густым оранжевым светом. Тишина была такой хрупкой и прекрасной, что её не хотелось нарушать ни единым звуком.

Водохранилище здесь было огромным — противоположного берега не разглядеть. Это тоже были владения дяди. С одной стороны над водой возвышался десятиметровый обрыв, поросший густым старым лесом.

Су Мо выбрался на самую высокую точку склона и сел, ожидая заката. Впервые он созерцал столь необъятную гладь воды. На душе стало спокойно, словно он смотрел на море.

— Сяо Мо! — на песчаном берегу внизу показался Су Цзинь. Он замахал руками. Рядом с ним Тянь Сяюй и Лян Цинь удили рыбу.

С обрыва вода казалась совсем близко. Су Мо снял наушники и, улыбнувшись, помахал им в ответ.

— Спускайся к нам! Лян Цинь рыбу ловит! — крикнул брат снизу.

Су Мо покачал головой и снова надел наушники. Лян Цинь проследил за ним взглядом и вздохнул:

— Знаешь, мне иногда так жалко Сяо Мо, когда он вот так в одиночестве сидит. Если бы он мог говорить... С его мозгами всё бы у него в жизни сложилось.

— Несправедлив этот мир, — Су Цзинь, которому было в сто раз больнее за брата, подобрал камень и запустил его в воду, пуская "блинчики".

— Эй, я тут вообще-то рыбачу! Всю рыбу распугал! — возмутился Лян Цинь.

В наушниках Су Мо по кругу крутилась песня «Прощай» группы «Маленькие тигры». Он так погрузился в музыку, что не сразу заметил, как чья-то рука бесцеремонно сорвала с него наушники. Он поднял голову — рядом, с крайне недовольным видом, стоял Хань Дун. Он поднес наушник к уху, слушая мотив.

Хань Дун отбросил их в сторону и швырнул кассетный плеер на траву.

— Значит, меня он избил, а сам тут прохлаждается?

Су Мо потянулся за кассетным плеером, но Хань Дун рывком поднял его на ноги. Они стояли на самом краю обрыва — одно неверное движение, и полет вниз обеспечен.

— Послушай меня, Су Мо. Я ведь предупреждал: если сегодня ты не попросишь у меня пощады, я возьму твою фамилию.

— Дун-цзы! Ты чего там с Сяо Мо делаешь? Опасно же! — крикнул снизу Су Цзинь. Остальные тоже обеспокоенно задрали головы.

— Не лезь!

Су Мо смерил Хань Дуна недобрым взглядом и попытался оттолкнуть его, но руки того были словно стальные тиски — он намертво вцепился парню в плечи.

— Маленькая красавица, ты меня плохо знаешь. Больше всего на свете я люблю риск. Если я теряю голову, я и самого себя боюсь.

Су Мо не успел сообразить, к чему он клонит, как его тело само по себе начало отклоняться назад. Хань Дун сделал несколько шагов к краю, увлекая его за собой, при этом крепко держа за руки.

— Эй, Хань Дун! Ты что творишь?! С ума сошел?! — послышался снизу испуганный голос брата.

Су Мо оглянулся и похолодел. Его пятки зависли над пустотой. Спина оказалась в воздухе, а внизу бурлила вода.

Он инстинктивно дернулся назад, но Хань Дун не давал ему подняться, продолжая давить на плечи, отклоняя его всё сильнее. Су Мо испугался, он судорожно вцепился в предплечья Хань Дуна.

— Один неосторожный жест — и ты в воде. Страшно? — Хань Дун улыбался, но эта улыбка пугала Су Мо больше, чем само падение.

Он действительно не знал этого человека. Не знал, что будет, если переступить его черту. Но теперь он видел: в своей ярости Хань Дун был готов на любое безумие.

Су Мо замер, боясь шелохнуться. Он чувствовал, как земля под ногами начинает осыпаться. Су Цзинь уже бежал вверх по склону, но путь в обход был долгим.

— Дун-цзы, не зарывайся! Это плохая шутка! — Лян Циню было уже не до рыбалки.

Хань Дун словно оглох. Он смотрел только в лицо Су Мо, и он всё так же усмехался.

— Попроси меня. Попроси — и я тебя вытащу.

Су Мо был упрям до мозга костей. Даже когда его колотила крупная дрожь от страха, гордость не позволяла ему сдаться. Он в упор смотрел на этого безумца, чувствуя, как тело всё больше кренится над бездной. Это было похоже на казнь.

— Проси.

Глубокий голос Хань Дуна звучал для Су Мо как приговор. Он снова посмотрел вниз и в ужасе зажмурился. Слова сорвались бы с его губ, если бы он мог говорить...

Но разум быстро прояснился. С какой стати он должен просить этого психа?!

Су Мо дернулся в последней попытке освободиться, нога соскользнула с края. В тот момент, когда он уже готов был рухнуть вниз, Хань Дун мощным рывком швырнул его на твердую землю. Вложив все силы в этот бросок, сам Хань Дун потерял равновесие и кубарем полетел с обрыва.

— Нет! — Тянь Сяоюй в ужасе закрыл глаза. Лян Цинь со всех ног бросился к месту падения.

Су Мо, едва дыша от пережитого ужаса, подполз к краю обрыва. На поверхности воды не было ни следа Хань Дуна.

— Сяо Мо! Где Хань Дун? — задыхаясь, подбежал Су Цзинь.

Глаза Су Мо покраснели от слез. Он в отчаянии указывал на воду, издавая сдавленные звуки. Впервые Су Цзинь видел его таким — он мычал и хрипел, не в силах сдержать эмоции.

— Упал?! Не бойся, я сейчас позову дядю! — Су Цзинь сломя голову помчался к дому.

Минуло десять минут. Хань Дун так и не появился. Дядя уже распорядился спустить лодку.

— Да что же это такое?! Как он мог свалиться? — сокрушался дядя.

— Он... — Лян Цинь не успел договорить, как лодка вернулась.

— Брат Хань, мы всё прочесали. Никого нет.

Сердце Су Мо пропустило удар. Ноги подкосились.

— Чего застыли?! Ищите дальше! — взревел дядя. На всех навалилась гнетущая тяжесть.

— Ну и чего вы тут панику развели? Неужто я такой хлипкий?

Внезапно раздавшийся ленивый голос заставил всех вздрогнуть. Со стороны берега, вальяжной походкой, шел Хань Дун. Одежда, видимо, промокла насквозь, так что в итоге на нем остались одни трусы. С его тела стекали капли воды, поблескивая в лучах заходящего солнца.

В этом свете Хань Дун выглядел пугающе красивым. Атлетическое тело, уверенная осанка... На мгновение сердце Су Мо забилось в бешеном ритме.

Но взгляд скользнул по крепкому животу и темной дорожке волос, уходящей под край мокрого белья, и Су Мо вспыхнул до корней волос.

— Я же говорил, Дун-цзы — парень не промах! — радостно крикнул Су Цзинь. Дядя облегченно выдохнул.

Су Мо пришел в себя. Стоило ему увидеть эту довольную физиономию, как гнев захлестнул его. Он сорвался с места и бросился к Хань Дуну. Тот, решив, что парень бежит его обнимать от радости, уже приготовился принимать благодарности, но вместо этого получил град ударов. Су Мо колошматил его руками и ногами, заставляя «героя» позорно удирать по пляжу.

— Эй, эй! Ты чего?! За что?!

Су Мо гнался за ним, отвешивая пинки, под дружный хохот остальных.

«Псих! Сумасшедший! Ты хоть понимаешь, как я испугался?! А он стоит тут, красуется, выпендривается! Получи, гад! Будешь знать, как нервы мне мотать!»

<http://bllate.org/book/17506/1658356>